

Вырезка из газеты
МОЛОДЕЖЬ ГРУЗИИ

г. Тбилиси

(Фотохроника Грузииформат)

Размышления об актерской профессии

Народный артист СССР Владислав Стрельчик, актер Ленинградского Большого драматического академического театра имени М. Горького, отвечает на вопросы корреспондента АПН Валентины Рыжовой.

— Что для вас является главным в вашем искусстве?

— Рождение в каждом спектакле нового человека. С особым, неповторимым душевным строем, со своей внутренней логикой, своим отношением к миру... Главное — перевоплощение в образ. Сейчас, когда актерская неизменяемость стала едва ли не принципом в искусстве, моя точка зрения может показаться старомодной, но я убежден, что перевоплощение — главный закон русского сценического искусства. И даже те, кто его сегодня отвергает, завтра все равно к нему придут.

Я понимаю перевоплощение как гармонию внутреннего и внешнего. Я одинаково не признаю форму без раскрытия сути характера и суть, не выраженную в определенной, только для этой роли найденной форме.

Постигать человека, разгадывать загадки человеческих характеров, увлекать зал своим пониманием образа, убеждать его или вступить с ним в конфликт — вот что, с моей точки зрения, самое увлекательное в актерской профессии.

Только каждый раз надо все начинать сначала, не пользоваться уже найденным.

— Приходилось ли вам играть роли, которые вы не любили?

— Сколько угодно. Мне, например, не нравилась роль Кулыгина в чеховских «Трех сестрах». На первый взгляд это персонаж предельно ясный. Сам Чехов в письме к первому исполнителю этой роли во МХАТе назвал Кулыгина «образцовым мещанином». Меня такая категоричность начала беспокоить, и я решил обнаружить в образе что-то совершенное и неожиданное. Мне это не сразу удалось. Все во мне протестовало против общепризнанного — мещанин. На одной из ре-

петиций я даже поставил перед партнерами условие: если кто назовет Кулыгина мещанином, я брошу роль. Мне очень хотелось оправдать своего героя, он был мне чем-то симпатичен. И вдруг я понял чем — безграничной любовью к Маше. Как только я это обнаружил, мне стало легко. На такую любовь способен только хороший человек, добрый. Таким я его и играл. Я даже

И все сначала каждый раз

определил сверхзадачу образа, как «гимн любви».

— Какие из ваших ролей вы считаете для себя принципиально важными?

— Две роли сыграли важнейшую роль в моей актерской жизни: Греков и Цыганов в пьесах Горького «Враги» и «Варвары».

Греков — молодой рабочий, умный, сдержанный, волевой, убежденный и стойкий борец, уверенность которого — от знания исторической перспективы движения, от сознания силы своего класса. Роль потребовала от меня новых красок — мне нужно было спуститься с облаков романтической драматургии на землю и разобратся, что стоит за многими словами, которые дал Горький моему герою. По существу, у меня в спектакле было всего две сцены. После ролей с огромными монологами мне нравилось немногословие Грекова. Я впервые за годы работы в театре понял, как много можно сказать на сцене без слов. Спектакль «Враги» был первым рубежом, кото-

рый я преодолел на пути осознания актерского искусства не только как формы, но и как процесса постижения внутренней сути образа. Я почувствовал вкус к расшифровке подтекста роли, угадыванию того, что не выражено в словах, а напротив — скрыто за ними.

В «Варварах» (постановка Георгия Товстоногова) я неожиданно получил роль Цыганова, которого обычно играли пожилые актеры. Товстоногов же в этом персонаже стремился подчеркнуть старость не физическую, а душевную. По замы-

наете работу над ролью?

— У нас в советском театре есть единая методология — система Станиславского. Но методика не рецепт, Станиславский предполагал, что каждый на ее основе должен найти свой путь к образу. И хотя труппа БДТ методологически единая, у каждого своя система работы. Одни с первых же репетиций начинают рисовать портрет персонажа, добавляя к нему в процессе работы все новые и новые черты. Другие досконально выясняют внутреннюю логику, и пока человек не станет ясен им, они и не думают о его внешнем облике.

Я воспринимаю образ чаще всего музыкально — мне надо услышать его «внутреннюю интонацию». Иногда я слышу ее в манере говорить, иногда в пластике, как было, например, в спектакле «Король Генрих IV» Шекспира. Я играл Хотспера, Хотспер — значит «горячая шпора». Что это такое? Заносчивый человек, решил я. Он драчун и задир, у него много врагов, и он каждый мигновение ожидает удара и должен быть настороже. Поэтому он увиделся мне в резкой пластике — ходит углами, делает неожиданные повороты, он все время «в стременах». От этого ощущения стремительного ритма жизни начал проявляться и весь человек.

— Как на практике сочетается ваша самостоятельность в решении образа с режиссерской концепцией спектакля? Помогает вам режиссер или мешает?

— Последние 26 лет я работаю с прекрасным режиссером Георгием Александровичем Товстоноговым, особенность которого заключается в том, что он предоставляет актерам большую свободу и инициативу в работе. Он дает определенное направление нашей мысли и затем требует от нас только максимальной активности и самостоятельности. В нашем театре на практике осуществляется принцип сотворчества.

— С чего вы начи-